

УДК 94(3)

**«ТАЙНЫЙ» АСКЕТИЗМ СВ. РАДЕГУНДЫ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ СВЯТОСТИ В АГИОГРАФИИ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Н.Ю. Бикеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием агиографического образа святой Радегунды (Radegund, между 518 и 521–587) в произведении, написанном Венанцием Фортунатом (Venantius Fortunatus, между 530 и 540 – около 600), – “De Vita sanctae Radegundis” («Житие святой Радегунды»). Автор статьи доказывает, что способ репрезентации святости у каждого агиографа отличается своеобразием. Уделяется большое внимание мотиву секретности в описании аскетических практик Радегунды. По мнению автора статьи, обращение Фортуната к данному аспекту святости своей героини объясняется, во-первых, его желанием основать культ Радегунды, во-вторых, стремлением привлечь внимание к себе как к влиятельному человеку, обладателю тайных знаний. В-третьих, в статье впервые выдвинута гипотеза о том, что благодаря созданию агиографического образа известной во франкском государстве королевы-монахини Радегунды автор получил сан епископа г. Пуатье.

Ключевые слова: святость, Радегунда, агиография, житие, Венанций Фортунат, аскетизм, раннее Средневековье

Период раннего Средневековья характеризуется динамичным состоянием культуры и переходом от языческой к христианской парадигме. Бесспорно, это была переломная эпоха, когда складывались основы духовной и идеологической жизни средневекового общества. В комплексе ценностей данного времени святость является одним из главных элементов. Благодаря дошедшим до нас текстам, существенно различающимся по своим жанровым и функциональным параметрам, возможно изучение многообразных аспектов восприятия категории «святости» в раннем Средневековье. Несомненно, анализ письменных источников способствует пониманию духовных ценностей, религиозных и культурных представлений общества этого периода. Неслучайно в современных исследованиях всё больше внимания уделяется семантике раннесредневековых текстов.

Среди самых распространённых и востребованных типов средневековой литературы выделяется житие – своего рода «священная биография». В том, как создаётся образ святого, можно попытаться обнаружить своеобразие религиозных представлений общества, создавшего и «потребляющего» данный агиографический текст. Значение библейских понятий и образов определялось тем

контекстом, в который они попадали. Нередко между житиями, написанными практически в один и тот же период, существовали значительные различия. Во многом это зависело от самого автора жития (его внутренних интенций, способностей, этнической и социальной принадлежности и т. д.), а также от заказчика и тех, кому был адресован текст. Смысл агиографических моделей не может быть понят без изучения духовной и культурной среды агиографов и их потенциальной аудитории.

В настоящей работе речь пойдёт о духовной биографии знаменитой святой эпохи Меровингов королевы-монахини Радегунды¹, созданной в 90-е годы VI в.² Венанцием Фортунатом³, одним из самых известных латинских поэтов и церковных писателей этого периода. Около двадцати лет Фортунат прожил при монастыре св. Креста в Пуатье, будучи духовным наставником Радегунды⁴. К ней он испытывал искренние дружеские чувства [2, с. 105–107] и сильно горевал после её смерти. Именно он стал инициатором увековечивания памяти о Радегунде как святой.

Жития раннесредневековых святых мужчин и женщин должны были служить населению в качестве примера *vita perfecta* – идеальной, добродетельной жизни. Поэтому агиографические тексты содержали конкретные модели совершенного поведения, которыми восхищались и которым старались следовать и подражать. Одной из главных целей агиографических сочинений, таким образом, была дидактическая: наставлять верующих, прививать им христианские добродетели и укреплять их дух. Автор агиографического текста стремился представить святого в качестве Божьего избранника и идеального христианина, который являлся воплощением религиозно-этических норм.

Стереотипность и риторический язык агиографических произведений позволяют разделить практически любое житие на ряд отдельных цитат, взятых из других, уже существующих и уважаемых христианских текстов. Тем не менее стереотипность является лишь одним из аспектов дискурса жития. Другой важный аспект агиографических сочинений состоит в их функциональной предопределённости к решению идеологических задач. Часто такие произведения были использованы во благо определённой социальной группы: авторитет святого человека должен был защищать интересы конкретного сообщества и служить

---

¹ Св. Радегунда (Radegund, между 518 и 521–587) – супруга короля Хлотаря I, покровительница города Пуатье, основательница одного из первых франкских женских монастырей. Она была одной из наиболее известных и почитаемых персон в истории меровингской Галлии.

В середине 50-х годов VI в. на средства, предоставленные ей бывшим супругом, она основала в Пуатье женский монастырь, умело управляя которым добились его процветания. Ей удалось получить и привезти в свою обитель ценные христианские реликвии. Самой значительной из них была часть древа Святого Креста, в честь которого её монастырь получил своё название.

² точная дата написания «Жития святой Радегунды» (“De Vita sanctae Radegundis”) не известна. В качестве гипотез исследователи предлагают и начало последнего десятилетия VI в., и середину, и рубеж VI – VII вв.

³ Фортунат (Venantius Fortunatus, между 530 и 540 – около 600) был одним из самых образованных людей своего времени. Он получил риторическое образование в Италии, но в 565 г. отправился в Галлию. На протяжении двух лет в качестве поэта побывал при дворах разных франкских королей, а затем окончательно обосновался в городе Пуатье, где и скончался около 600 г. В последний год жизни получил сан епископа Пиктавийского (см. [1]).

⁴ Он познакомился с Радегундой приблизительно в 567 г., вскоре после того, как был основан её монастырь. Фортунат остался жить в Пуатье, в монастыре св. Креста, где в том же году принял постриг. Он стал духовником и биографом Радегунды. Сохранились две поэмы, написанные ими в соавторстве. Также он посвятил ей много стихотворений, прославляющих её ум, достоинство и благочестие. В 576 г. благодаря поддержке Радегунды поэт был рукоположен в сан священника. В монастыре св. Креста он проживал вплоть до её смерти в 587 г.

обоснованию его прав и реализации потребностей. В современных исследованиях признаётся сложность агиографического дискурса и его важность для изучения широкого спектра ментальных составляющих средневековой культуры.

Конечно, любое житие содержит определённый набор типичных для святого добродетелей, искушений и испытаний, чудес, видений и пророчеств, поскольку природа святости состояла в уподоблении Христу (*imitatio Christi*). Агиографы следовали общей схеме житийного канона при описании святости своего героя. Но проявление и способы достижения святости могли быть различными, что хорошо видно при сравнении двух житий св. Радегунды. О первом, принадлежащем перу Венанция Фортуната (F.), уже было упомянуто выше. Второе житие было написано в начале VII в. Баудонивией (Baudonivia, годы жизни до сих пор не известны), монахиней женского монастыря св. Креста (В.). Эти два жизнеописания Радегунды были созданы с разницей приблизительно в 10–15 лет в одной и той же местности, в Пуатье. Образ святой – аскетической королевы и совершенной монахини, созданный в этих произведениях, оказал большое влияние на последующую агиографическую традицию [3, р. 20]. Риторика и образность данных текстов во многом различны, несмотря на то что оба автора в описании черт набожности своей героини используют ставший к тому времени стандартным набор основных монашеских добродетелей, среди которых наиболее распространёнными были аскетизм, скромность в быту и отказ от удобств и роскоши, презрение к мирскому, проповедь бедности, любви к ближнему, милосердия и заботы.

Необходимо отметить, что автора агиографического сочинения не интересовала биография святого и его личность как таковые. Целью написания жития было подтверждение совершенства и избранности героя.

В конце XX – начале XXI в. жития св. Радегунды, написанные Фортунатом и Баудонивией, не раз становились предметом сравнительного анализа в трудах таких историков, как Сабина Габе [4], Джо Энн Макнамара [5, р. 60–105], Сьюзан Витерн [6, р. 101–107], Гизелла Ни [7, р. 101–105], Симона Коутс [8], Линда Кун [9, р. 120–141], Джон Китчен [10, р. 115–153], Дик Харрисон [11, р. 280–285], Габор Кланицай [12, р. 70–78], Рут Велау [13], Джейсон Гленн [14] и др.

В этих исследованиях рассматривались вопросы, связанные с историческим контекстом написания житий Радегунды, и механизмы создания образа святой. В результате сопоставления двух агиографических сочинений каждый автор приходит к сходным выводам, хотя они основаны на изучении различных аспектов духовной биографии Радегунды. Например, С. Витерн и С. Габе показывают, что для Фортуната характерно подчёркивать героическую природу аскетизма святой женщины, в то время как Баудонивия создаёт образец созерцательной, монашеской жизни.

С. Коутс и Дж. Китчен сравнивают два жития в контексте изучения гендерных особенностей представлений о святости. Подобный подход можно встретить и у Линды Кун, которая обращает внимание на то, что одним из авторов духовных биографий Радегунды был мужчина, а другим – женщина. По мнению Л. Кун, Фортунату было необходимо подчеркнуть отказ от «женской природы» своей героини, в то время как Баудонивия не акцентирует на этом внимание. При этом в житии Баудонивии Радегунда выступает как духовный пастырь, выполняющий священнические функции.

Г. Кланицай обращает внимание на сходство Радегунды с образом библейской деятельной Марфы из Вифании (Лк 10: 38–42) в житии Фортуната, тогда как автор второй духовной биографии больше описывает Радегунду как сестру Марфы, созерцательную Марию.

Сравнивая различные цели написания двух житий королевы-монахини, Дж. Гленн приходит к выводу, что для Венанция Фортуната было главным показать, как для достижения целомудренной и благочестивой жизни Радегунда преодолевала слабости (преимущественно телесные), присущие женскому полу. Для автора первого жития именно это символизирует её религиозный подвиг во славу Бога. Кроме того, Фортунат подчёркивает, что его героиня избегает всяческих атрибутов своего королевского статуса. В противоположность ему, Баудонивия акцентирует внимание на знатности своей героини, сообщая в первой главе, что Радегунда «королевского происхождения и унаследовала благородство» (“regalis origo vel dignitas”) (В., 1, р. 379)⁵. Для автора второго жития знатность является важной составляющей в способности человека править. В этом мы видим отличие от текста Венанция Фортуната, для которого высокий статус Радегунды был, скорее, препятствием для достижения ею святости. Однако для Баудонивии не существует противоречия между христианской верой и осуществлением властных полномочий в брэнном мире. Благочестие Радегунды вполне соответствует её социальному статусу королевы.

Таким образом, современные исследователи указывают главным образом на различия двух духовных биографий Радегунды, хотя оба автора следуют общим канонам и принципам создания агиографического текста. Следует отметить, что скудость аутентичных свидетельств о Радегунде контрастирует с яркостью представления её образа в агиографии.

В настоящей работе мы сосредоточим внимание на том, что, в отличие от Баудонивии, Венанций Фортунат делает упор на намерении Радегунды следовать своим аскетическим практикам и совершать благодеяния втайне от всех⁶. Фортунат неоднократно сообщает об этом в тексте жития, используя различные синонимичные лексемы, например:

- гл. 1 – *subocculte* ‘немного, несколько скрытно, тайно, тайком’⁷;
- гл. 15, 33, 37 – *occulte* ‘скрытно, тайно, тайком’⁸;
- гл. 16 – *secretissime* ‘наиболее тайно, скрытно’⁹;
- гл. 19 – *furtim* ‘украдкой, исподтишка, тайком, тайным образом’¹⁰;
- гл. 26 – *intima* ‘самая сокровенная’¹¹;
- гл. 29 – *in secreto* ‘отдалённое место, уединение’¹².

⁵ Здесь и далее сначала указывается номер главы жития, а затем цитируемая страница используемого опубликованного источника.

⁶ Этот аспект нами рассматривался ранее, см. статью “Secrecy” in the Asceticism of St Rade Gund According to Venantius Fortunatus’ Vita”, опубликованную в журнале “Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis” [15]. В данной работе больший акцент делается на особенности агиографического дискурса, сформулированы новые гипотезы и в значительной степени расширены заключительные выводы.

⁷ <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=43366>

⁸ <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=18313>

⁹ <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=41050>

¹⁰ <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=19303>

¹¹ <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=23951>

¹² <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=41049>

В тексте жития, написанного Фортунатом, Радегунда, будучи королевой и живя во дворце своего супруга Хлотаря I, тайно кормит бедных и прокажённых, украдкой ест постную пищу во время пира, в отсутствие свидетелей исцеляет больных, умерщвляет свою плоть и воскрешает мёртвых.

Например, автор первой духовной биографии Радегунды сообщает, что «на столе среди королевских яств прямо перед собой, *чтобы никто не заметил*, она ставила блюдо с бобами, по примеру трёх отроков, и наслаждалась даже чечевицей»¹³ (“In mensa vero *subocculte*, ne forte cognosceretur ab aliquot, ante se posito cum legumine ferculo, inter epulas regum more trium puerorum fava vel lenticula delectabiliter vescebatur” (F., 4, p. 366)). Агиограф указывает, что она прятала скромную пищу среди изысканных блюд: «За столом она *тайно* ела ржаной и ячменный хлеб, который прятала под пирог, *чтобы никто не заметил*» (“Quod in mensa sub fladone sigilatium panem absconsum vel ordeatium manducabat *occulte*, sic ut nemo perciperet” (F., 15, p. 369)).

В период Великого поста Радегунда сама молола зерно, и опять, как пишет Венанций Фортунат, она делает это в одиночестве в своей келье: «И, подражая обычаю святого Германа, она *тайно* велела принести себе ступку и на протяжении всего Великого поста молола муку своими руками каждые четыре дня... оставляя себе лишь количество, необходимое для пропитания» (“Tum more sancti Germani jubet sibi molam *secretissime* deferri, ad quamtotam quadragesimam, in quantum quatriddiana rafectio postulavit, oblations etiam suis minibus faciens...” (F., 16, p. 369–370)).

Венанций Фортунат неоднократно обращает внимание на то, что Радегунда, живя при дворе Хлотаря, скрывает ото всех, что кормит бедных: «Когда пришли прокажённые и прозвучал предупреждающий сигнал колокола, она, преисполненная благочестивого рвения, направила свою служанку выяснить, откуда они пришли и сколько их было. Узнав всё, готовила стол, ставила блюда, ложки, ножи, миски, вино, кубки и чаши, затем *тайком* уходила к себе, так что никто не мог её увидеть» (“Qua sibi renuntiante, parata mensa... intromittebatur *furtim*, quo se nemo perciperet” (F., 19, p. 370)).

Тем не менее, как следует из текста Фортуната, эти действия святой заслуживают большой похвалы и чести, поэтому он и сообщает нам о них: «То, что она совершала *тайно*, должно стать известно людям» (“Illud quod gessit *in secreto* proferatur in populum” (F., 29, p. 373)). В другом месте он также говорит об этом: «Но то, что она *тайком* совершила, не могло долго оставаться *сокрытым*» (“Sed, quod *occulte* gessit, celare diu non potuit” (F., 37, p. 376)).

В целом мотив секретности в описании святости Радегунды достаточно часто встречается в тексте Венанция Фортуната. Даже при описании случаев исцеления Радегундой больных людей и одержимых дьяволом автор вновь особо отмечает секретность этих благочестивых деяний. Более того, он пишет, что смирение его героини было столь велико, что она мысленно упрекает себя за медлительность в таких случаях: «Святая женщина *тайно* сожалела о том, что

¹³ Здесь и далее перевод с латинского языка на русский наш. – Н.Б. В связи с тем, что дословный перевод латинских предложений на русский язык не всегда возможен, в данной работе приводятся фрагменты из опубликованного нами ранее перевода (см. Ф).

она так медленно лечит пострадавших» (“Dixit plane, sed fecit sanctam mulierem *occulte* reficiende tempore paenitentem” (F., 33, p. 374)).

Даже когда Венанций Фортунат специально не использует слова, указывающие на секретность благих деяний Радегунды, из контекста жития часто следует, что святая действует тайно. Так, Фортунат описывает случай, когда в монастырь Радегунды приходят прокажённые. По обыкновению, святая женщина собственноручно омыла, накормила и исцелила их. После этого она *без свидетелей* дала им новую одежду или золотые монеты: «Уходящим дарила золото или одежду, и лишь она одна была тому свидетелем» (“Recedentibus praebebat auri vel vestimenti, *vix una teste, munuscula*” (F., 19, p. 371)). Однако чтобы подчеркнуть желание Радегунды скрыть свои благочестивые поступки, агиограф указывает: «Только одна служанка *всё же* узнала об этом» (“Ministra *tamen* praesumebat” (F., 19, p. 371)). Ещё один пример из жития, написанного Венанцием Фортунатом, в котором святая втайне ото всех употребляет простую, скудную пищу: «Она питалась ржаным или ячменным хлебом, который *прячала* под пирогом, чтобы никто не заметил, что именно она ела» (“Panis vero deliciarum sigilatium fuit aut ordeatum, quem absconsum sub fladone *sumebat, ne quis percipere*” (F., 15, p. 369)).

При описании практики умерщвления Радегундой плоти автор вновь обращает внимание на приватность её действий: «*Молча прячала* она раны, но запёкшаяся кровь на них обнаружила то, что она не выдала голосом» (“*Tacens tegit foramina, sed computrescens sanguis manifestabat, quod vox non prodebat in poena*” (F., 26, p. 373)). Исцеляя больных, святая приказывает, чтобы очевидцы *не рассказывали об этом никому* (“Quod tamen ipsa imperabat, *ne quis proferret in fabula*” (F., 20, p. 371)). Даже монахини св. Креста, не могут наблюдать, как Радегунда совершает чудеса исцеления. Например, когда одна из монахинь серьёзно заболела и в течение шести месяцев лежала неподвижно в своей келье, то, узнав об этом, Радегунда велела сёстрам принести больную к себе в келью. «Потом приказав всем выйти, она оставалась *один на один* с больной женщиной в течение двух часов, словно врач» (“Hinc jubet omnes removeri, remanente *tantum sola simul* aegrota cum medica fere per horas duas” (F., 29, p. 374)). Однако, судя по всему, в отличие от монахинь конвента св. Креста, сам автор жития Радегунды был очень хорошо осведомлён о процессе исцеления. Он подробно описывает, как святая касалась по очереди больных конечностей страдающей женщины. И там, где Радегунда касалась, боль исчезла. В результате несчастная парализованная женщина полностью выздоровела.

Без свидетелей святая выполняет и чудеса воскрешения мёртвых. Вот как Фортунат описывает это: «Во славу Христа давайте представим ещё одно из чудес нашего времени, совершённое в духе блаженного Мартина. Однажды, когда святая затворилась в своей келье, она услышала плач монахини, и, дав ей знак войти к себе, она спросила, что случилось. Монахиня ответила, что её младшая сестра умерла и для обмывания охлаждающего тела уже готовили тёплую воду. Соблезнуя ей, святая велела принести труп девочки в свою келью. Там она приняла его в свои руки, затем *закрыла за собой дверь* и велела остальным отойти подальше, чтобы никто не увидел, что она собирается делать» (“...Sancta tunc imperat, ut cadaver ipsius suam deferret in cellulam. Quo sibi deportato, excepit manu propria, reclausa post se mox janua, jubens longe discedere,

ne quis sentiret, quid ageret...” (F., 37, p. 376)). «Но то, что она *тайком* совершила, не могло долго оставаться *сокрытым*. Тем временем, пока готовили погребение, она в течение семи часов трудилась над телом умершей, и Христос, видя её веру, не мог отказать ей и позволил полностью воскресить ребёнка. Во время молитвы святой младенец воскрес из мёртвых; только тогда старая женщина встала, когда ребёнок ожил. Снова подав знак, радостная, она возвратила ожившей ту, которую оплакивали как умершую» (“...sed, quod occulte gessit, celare diu non potuit. Inter haec, dum defunctae exsequiae praeparantur, fere per horas septem mortuae tractat corpusculum. Sed Christo vidente fidem, cui negare non potuit, reddita prorsus salute, surgit haec ab oratione, resurgit illa de funere, et se tunc sublevat vetula, cum revixisset infantula. Quam, tacto iterum signo, laetificata reddit vivam, quam flens acceperat mortuam” (F., 37, p. 376)).

Таким образом, из текста Венанция Фортуната следует, что практически все свои благие деяния Радегунда совершала без свидетелей. Более того, даже повседневные монастырские дела она выполняла в одиночестве, когда остальные монахини спали: «В то время как все монахини спали глубоким сном, она чистила и смазывала обувь» (“Adhuc monachus omnibus soporantibus, calciamenta tergens et unguens, retransmittebat per singulas” (F., 23, p. 372)).

Почему агиограф так много внимания уделяет тому, что Радегунда старалась скрыть от всех своё благочестие, аскетизм и духовные подвиги? Автор жития неслучайно выбрал подобную стратегию описания святости своей героини, используя различные синонимичные лексемы (в том числе контекстуальные синонимы), которые подразумевают приватность и скрытность её деяний.

Прежде всего эти приёмы были нужны Фортунату для демонстрации смирения Радегунды. Эта добродетель была особенно важной при описании жизни святых женщин. Таким образом, здесь можно проследить влияние гендерных представлений и стереотипов данного периода. Одной из наиболее ожидаемых характеристик поведения святых женщин было их стремление жить изолированно от внешнего мира и не демонстрировать свои добродетели. Женский монастырь должен был быть практически полностью отгорожен от внешнего мира. Как указывает Д.М. Омельченко, задуманная Цезарием из Арля¹⁴ модель женского монашества, что нашла своё концентрированное выражение в «Правиле для дев», призвана была полностью изолировать от остального мира монахинь как «драгоценных жемчужин... которые молятся за всех людей» и тем самым несут особую службу в Церкви [17, с. 9]. Комплекс идеалов и средств, подразумевавшихся под понятием «замкнутость», включал, помимо физических границ, экономической и административной независимости, своего рода духовные барьеры, которые следовало выстроить в душе каждой монахини. Уже один из первых пунктов «Правил для дев» гласит, что монахиня, «дабы избежать зубов духовных волков, никогда не должна до самой своей смерти... выходить из монастыря» [17, с. 7].

Но все эти правила не требуют от святых женщин, живущих в монастыре, скрывать свои деяния от других монахинь. Тем не менее Венанций Фортунат в тексте жития Радегунды прямо указывает на то, что она совершает свои бла-

¹⁴ Цезарий, епископ Арльский, или Цезарий Арелатский (Caesarius Arelatensis, около 470–542) – церковный деятель и богослов, один из основателей монашеской жизни на Западе, автор «Правил для дев» (“Regula sanctorum virginum”) – первого устава для женских монастырей (подробнее об этом см., например, [16]).

годеяния и подвиги во славу Христа втайне от монахинь собственного конвента. По всей вероятности, Фортунат специально акцентирует внимание на мотиве секретности. Ведь несмотря на то что героиня жития тщательно скрывает свои благочестивые поступки, они всё равно становятся известны другим людям благодаря чудесам. Именно чудеса, совершённые ею, делают тайное явным, ведь о случаях исцеления и воскрешения впоследствии становится известно. Таким образом, этот риторический приём используется автором, чтобы доказать святость Радегунды.

Для человека раннего Средневековья способность творить чудеса была самым важным качеством святого, поэтому без описаний чудес не обходилось ни одно агиографическое сочинение этого периода. При этом святость воспринималась не только как Божий дар, но была также результатом личных усилий героя жития. Способность Радегунды творить чудеса неоспоримо должна была свидетельствовать о её святости. Обладая силой воскрешать из мёртвых, Радегунда становится в один ряд с одним из самых почитаемых в этом регионе епископов и святых – св. Мартином (*Martinus Turonensis*, 316–397), который был главным покровителем франкской монархии и патроном города Тур.

Благодаря агиографу о чудотворной силе Радегунды становится известно людям. Венанций Фортунат своим повествованием словно открывает дверь в келью святой. Тем самым он не только конструирует модель святости своей героини, но и демонстрирует себя как обладателя «тайного» знания, повышая свой авторитет в глазах слушателей и читателей жития. Заметим, что второй агиограф Радегунды не ставит себе цель показать, что знает что-то неизвестное другим монахиням монастыря св. Креста. Для Бaudонивии святость Радегунды носит не тайный, а публичный характер.

Таким образом, из агиографического текста мы можем узнать не только о самой Радегунде, но и об авторах её жития, а также о том историческом контексте, в котором были созданы духовные биографии святой. Кроме того, топос «тайного» аскетизма в житии Радегунды указывает на особые отношения между автором и его героиней.

Действительно, Венанций Фортунат, как близкий друг и духовный наставник святой женщины, мог знать о её жизни больше, чем другие. Он хорошо знал Радегунду, поскольку прожил почти двадцать лет при её монастыре в Пуатье. Однако при написании духовной биографии святой женщины Фортунат не только стремится прославить её саму. Вполне вероятно, у него были и другие намерения. «Тайные» знания позволяют автору привлечь внимание читателей и к себе. Возможно, Фортунат хотел показать, что он мог знать и видеть то, что было неизвестно никому, в том числе и монахиням её аббатства. Он даже знает о том, что думала Радегунда, о чём она тайно сожалела и т. п. Текст жития Радегунды, сочинённый Фортунатом, показывает автора как всезнающего рассказчика. Он способен быть там, куда другие не могут попасть, и сообщить о том, о чём умалчивает сама Радегунда.

Мотив секретности отличает житие св. Радегунды, написанное Венанцием Фортунатом, не только от текста её второй духовной биографии, но и от житий других святых женщин раннего Средневековья. Так, в агиографических сочинениях, посвящённых другим святым героиням VI в.: Монегунде (*Monegund*,

ум. 570), Евстадиоле (Eustadiola, 594–684), Рустикеле (Rusticula, около 556–632), Хлодзинде (Glodesind, ум. 608) (см. [5]) – мы также не встретим упоминаний о тайном характере их действий. Однако, несмотря на это, сочинение Венанция Фортуната стало литературным образцом для последующей агиографии, например для житий св. Батильды (VII в.), св. Матильды (X в.) и св. Маргариты Шотландской (XI в.). [3, р. 20], хотя мотив секретности в них не встречается.

Венанций Фортунат хотел подчеркнуть: он является носителем тайного знания, что свидетельствует о его авторитете и влиянии. Благодаря ему, а также чудесам (как проявлению Божественного благословения) мы узнаём о «тайных» деяниях, свидетельствующих о святости Радегунды.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что автор первого жития св. Радегунды при его написании преследовал несколько целей:

1. Он хотел прославить свою героиню и способствовать возникновению и распространению её культа путём увековечивания памяти о ней как о святой и мученице. Мотив секретности был одним из способов подчеркнуть христианские добродетели и смирение Радегунды. Хотя точное время написания Фортунатом её жития не известно, по всей вероятности, это произошло спустя несколько лет после её смерти. В житии, посвящённом св. Радегунде, Фортунат подчёркивает исключительность своей героини, её религиозную избранность. В образе Радегунды воплотились христианские идеалы смирения, морального совершенства в подражании Христу, сосредоточения всех душевных сил на служении Богу и спасении души при полном отрешении от мира.

2. Создание жития имело скрытую цель – представить агиографа как важную персону, которому известно то, что сокрыто от других. То есть мотив секретности в тексте жития Радегунды подчёркивал влияние и значимость его автора.

3. Написание духовной биографии св. Радегунды, вероятно, могло способствовать не только прославлению её автора, но и помогло ему получить в скором времени сан епископа Пиктавийского. Венанций Фортунат скончался приблизительно в 600 г в Пуатье – том же городе, где основала монастырь и была похоронена сама Радегунда [18, р. XX]. В конце VI в. незадолго до своей смерти он стал епископом Пуатье. Не исключено, что этому способствовало написание жития некогда известной в этих краях уважаемой и влиятельной королевы-монахини Радегунды.

Агиографические тексты в современных исторических исследованиях часто воспринимаются как способ высказывания определённых идеологических программ. В настоящей статье посредством анализа мотива секретности показано, что житие являлось также средством прославления святого и пропаганды его культа.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00353).

Источники

- F. – *Fortunatus V. De Vita sanctae Radegundis* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krush. – Hannover, 1888. – T. I, V. 2. – S. 364–376.
- B. – *Baudonivia. De Vita Sanctae Radegundis* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krush. – Hannover, 1888. – T. II, V. 2. – S. 377–395.

- Ф – Венанций Фортунат. Житие святой Радегунды / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – 2012. – № 20. – С. 188–204.
- Лк – Евангелие от Луки // Русская Православная Церковь: Офиц. сайт Моск. Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/lk/>, свободный.

Литература

1. *George J.W.* Venantius Fortunatus: A Latin poet in Merovingian Gaul. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – xiii, 234 p.
2. *Бикеева Н.Ю.* Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – 2011. – № 19. – С. 105–107.
3. *Schulenburg J.T.* Forgetful of their sex: female sanctity and society, ca. 500 – 1100. – Chicago: Univ. Chicago Press, 1998. – xii, 587 p.
4. *Gäbe S.* Radegundis: sancta, regina, ancilla: Zum Heiligkeitsideal der Radegundisviten von Fortunat und Baudonivia // Francia. – 1989. – V. 16 (1). – P. 1–30.
5. *Sainted Women of the Dark Ages* / Ed. J.A. McNamara, J.E. Halborg, E.G. Whatley. – Durham; London: Duke Univ. Press, 1992. – 369 p.
6. *Wittern S.* Frauen, Heiligkeit und Macht: lateinische Frauenviten aus dem 4. bis 7. Jahrhundert. – Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 1994. – iv, 220 p.
7. *Nie G.* de. Consciousness fecund through God: From Male Fighter to Spiritual Bride-Mother in Late Antique Female Sanctity // Sanctity and Motherhood: Essays on Holy Mothers in the Middle Ages / Ed. Anneke B. Mulder-Bakker. – N. Y.: Garland Publishing, 1995. – P. 101–164.
8. *Coates S.* Regendering Radegund? Fortunatus, Baudonivia and the Problem of Female Sanctity in Merovingian Gaul // Studies in Church History. – V. 34: Gender and Christian religion: papers read at the 1996 Summer Meeting and the 1997 Winter Meeting of the Ecclesiastical History Society / Ed. R.N. Swanson. – Woodbridge: Boydell Press, 1998. – P. 37–50.
9. *Coon L.L.* Sacred Fictions: Holy Women and Hagiography in Late Antiquity. – Philadelphia: Univ. Pennsylvania Press, 1997. – 256 p.
10. *Kitchen J.* Saints' Lives and the Rhetoric of Gender: Male and Female in Merovingian Hagiography. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1998. – 255 p.
11. *Harrison D.* The Age of Abbesses and Queens: Gender and Political Culture in Early Medieval Europe. – Lund: Nordic Acad. Press, 1998. – 440 p.
12. *Klaniczay G.* Holy rulers and blessed princesses: dynastic cults in medieval central Europe. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2002. – xviii, 490 p.
13. *Wehlau R.* Literal and Symbolic: The Rhetoric of Asceticism in Two Lives of St. Radegund // Florilegium. – 2002. – V. 19. – P. 75–89.
14. *Glenn J.* Two Lives of Saint Radegund // The Middle Ages in texts and texture: reflections on Medieval sources. – Toronto: Univ. Toronto Press, 2011. – P. 57–69.
15. *Bikeeva N.Yu.* “Secrecy” in the Asceticism of St Radegund According to Venantius Fortunatus' Vita // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. – 2014. – Spec. Issue. – P. 445–457.
16. *Бикеева Н.Ю.* Женские монастыри в городском пространстве Франкского королевства VI в. // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвящ. 100-летию г. Ярославля / Отв. ред. В.В. Дементьева. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – Ч. I. – С. 67–71.
17. *Омельченко Д.М.* Женский монастырь Св. Иоанна в Арелате в первой половине VI в.: нормативная модель и практика // Диалог со временем. – 2010. – № 31. – С. 5–15.

18. Venantius Fortunatus: personal and political poems. – Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1995. – 156 p.

Поступила в редакцию
27.02.16

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: binata@rambler.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 3, pp. 796–806

“Secret” Asceticism of St. Radegund: Creating Holiness in Early Medieval Hagiography

N.Yu. Bikeeva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: binata@rambler.ru

Received February 27, 2016

Abstract

This paper critically examines the hagiographical image of St. Radegund, the patroness of Poitiers, Frankish queen, and the foundress of one of the first convents, in the *Vita* written by Venantius Fortunatus. The author of this paper concludes that the hagiographers represented ascetic practices and, thus, sainthood itself differently. It depends on many factors: the author’s personality, inner intentions, and self-interest; hagiographers’ social status and their potential auditory. Special attention is paid to the motif of “secrecy” in the description of the ascetic practices of Radegund, as well as to the explanation of V. Fortunatus’ attention to the aspect of the holiness of Radegund. Similar motives for secrecy are not found, either in other *Vitae* by V. Fortunatus or in the spiritual biographies of other holy women of the period compiled by different authors. In our opinion, this is largely explained by the following reasons:

1. Firstly, the hagiographer wanted to glorify the heroine and to establish and promote her cult. The motif of secrecy was one of the ways to emphasize the Christian virtues and humility of Radegund.

2. Furthermore, V. Fortunatus wanted to show that he knew something that was hidden from others. Thus, the motif of “secret” asceticism is used to emphasize the influence and significance of the *Vita*’s author.

3. Finally, the writing of the sacred biography of Radegund might have promoted V. Fortunatus’ own career. He became the bishop of Poitiers a few years after the writing of the life of Radegund, the famous and powerful queen-nun of this region.

Keywords: sainthood, holiness, St. Radegund, hagiography, *Vita*, Venantius Fortunatus, asceticism, early Middle Ages

Acknowledgments. This study was supported by the Russian Foundation for Humanities (project no. 15-01-00353).

Для цитирования: Бикеева Н.Ю. «Тайный» аскетизм Св. Радегунды: конструирование святости в агиографии раннего Средневековья // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 796–806.

For citation: Bikeeva N.Yu. “Secret” asceticism of St. Radegund: Creating holiness in early medieval hagiography. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 796–806. (In Russian)